

С.Н. Дурылин о Валерии Брюсове

© 2020, И.В. Мотеюнайте

Псковский государственный университет,
Псков, Россия

Аннотация: В статье рассматривается восприятие В.Я. Брюсова С. Дурылиным. Материалом является книга «В своем углу», газетная статья «Силуэты. Валерий Брюсов» и письма Дурылина. В частных записях «В своем углу» С. Дурылин обычно различал «авторскую» и «человеческую» ипостаси писателей, что связано со спецификой его эстетической программы. Автор показывает, что стихи Брюсова сначала очаровали Дурылина остротой революционного духа, а затем увлекли своей страстностью и открытостью «бездне», характерными для символизма в целом. Дурылин высоко ценил всю деятельность Брюсова-символиста. Однако его биографическая личность вызывала противоречивые чувства и не поддавалась однозначным характеристикам. Наиболее точным выражением сложной личности Брюсова для Дурылина стал его портрет работы М.А. Врубеля. Мистические рассказы о художниках, работавших над портретами Брюсова, записаны Дурылиным и обосновывают его невысказанное прямое отношение к нему: связь демонического начала с литературной биографией. Кроме того, в статье показывается устойчивость литературной репутации Брюсова, которая существенно повлияла на Дурылина в ранней юности.

Ключевые слова: С.Н. Дурылин; В.Я. Брюсов; М.А. Врубель; литературная репутация; русский символизм; литература и живопись; газета «Понедельник».

Информация об авторе: Илона Витаутосовна Мотеюнайте — доктор филологических наук, профессор, Псковский государственный университет, пл. Ленина, д. 2, 180000 г. Псков, Россия. ORCID ID: 0000-0001-6117-4555. E-mail: ilona_motya@mail.ru.

Для цитирования: *Мотеюнайте И.В.* С.Н. Дурылин о Валерии Брюсове // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 341–354.
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-341-354>

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект «С.Н. Дурылин — историк литературы», № 18-012-00746).

Отношение С.Н. Дурылина, поэта и писателя, литературного критика и публициста, историка литературы и педагога-просветителя, к писателям прошлого и авторам-современникам проясняет и его эстетические вкусы, и механизмы литературного процесса в целом. В дополнение к нашему циклу работ о восприятии Дурылиным ряда русских литераторов [3; 4; 5; 6] хотели бы привести его газетный очерк 1918 г. о Валерии Брюсове.

Сначала скажем о восприятии Брюсова Дурылиным, основываясь, прежде всего, на книге «В своем углу» — наиболее достоверном источнике для реконструкции авторского сознания Дурылина. Он в отношении к современникам и несовременникам тесно переплетал личностную и авторскую ипостаси, в русле модернистского жизнестроительства. Сложные соотношения этих ипостасей в его сознании сказываются на восприятии им многих литераторов: Пушкина и Фета, Лермонтова и Толстого, Случевского и Писемского, Аксаковых и Герцена и др. Отношение к Валерию Брюсову — один пример из этого ряда, однако выделяющийся самобытностью. Личность автора для Дурылина обычно была важнейшим мерилom его творчества, но в данном случае все несколько сложнее.

Самый ранний из описанных в книге эпизодов, связанных с Брюсовым, свидетельствует об отношении к нему Дурылина как младшего к старшему: молодой Дурылин в 1910 г. не пошел с горячо любимой матерью на «Вишневый сад», поскольку время спектакля совпало с поэтическим вечером, на котором он должен был в присутствии Брюсова читать свои стихи. Этот вскользь вспомненный через 17 лет эпизод обнаруживает писательские амбиции молодого Дурылина и устойчивость литературной репутации Брюсова в его сознании.

В последующих заметках книги «В своем углу» автор отмечает прекрасные организаторские способности Брюсова и высокую ценность его исследовательских работ о Пушкине, Тютчеве, Гоголе. В 1929 г. из томской ссылки Дурылин вступил в эпистолярную полемику с И.Н. Розановым по поводу оценки поэтов-символистов в розановском «Путеводителе по современной русской литературе» (1929) и как важное достижение символистов отмечал возобновление ими высоких традиций русской классики XIX в. В заслугу Брюсову он поставил «воскрешение» Боратынского и Тютчева и назвал его в числе тех, кто «вновь призвали в недра русской культуры и поэзии

тени Эллады и Рима, изгнанные оттуда в семинаристскую эпоху (Мережковский, В. Иванов, Брюсов, И. Анненский, Минский)»¹.

Однако из всех граней литературной деятельности Брюсова наиболее ценной для Дурылина является собственно поэтическая.

Первое впечатление от брюсовских стихов описано в X тетради «В своем углу», создававшейся в конце 1927 – начале 1928 г. в Томске. Рассказ о знакомстве с ними — самостоятельный фрагмент текста, со своим сюжетом. Дурылин называет место и время (осень 1905 г., редакция издательства «Посредник»), в пространной экспозиции знакомит с «пролетарским поэтом» Ф.Е. Поступаевым, прочитавшим «Каменщика» и «Habet illa in alvo» автору мемуаров. Настоящим «героем» эпизода и становится впечатление от брюсовских стихов: «я был поражен, умилен, просветлен» [1, с. 512]. На двух последующих страницах рассказывается о том, как они покорили Н.Н. Гусева, а затем и самого Толстого, похвалившего их. Достоинство стихов Брюсова — прежде всего, из сборника «Urbi et orbi» — несомненно для Дурылина всю последующую жизнь. Он часто цитирует Брюсова по разным поводам, его строчки ставит эпиграфом ко всей книге «В своем углу»; дает выразительные характеристики его поэтики. В 1915 г. Дурылин включил в составленный им сборник «Поэты Бельгии» (М.: Изд-во «Польза») несколько брюсовских переводов; впоследствии в разных своих работах он так или иначе упоминает Брюсова как одного из главных деятелей эпохи. Отношение же к личности Брюсова не так однозначно.

Собственная жизненная неустроенность 1920-х годов заставляла Дурылина, трудно адаптировавшегося к современности, вглядываться в поведение людей, принадлежащих к ушедшей культуре. Брюсов был одной из ее крупнейших фигур, поэтому его поведение в начале 1920-х привлекало пристальное внимание; в частности, к поступкам, обнаруживавшим возможность следования сформированным в молодости принципам.

Брюсов для Дурылина — один из ярких русских символистов, которым был ведом широкий спектр человеческих страстей и взлетов. Упоминания Брюсова показывают, что он был для Дурылина из противоположного христианству лагеря: в переписке с близким ему Эллисом Дурылин говорит о сильном влиянии Брюсова в молодости как влиянии индивидуализма, имя Брюсова стоит в одном ряду с Ницше, Ибсенем, Штирнером, Уайльдом:

¹ НИОР РГБ. Ф. 653. Карт. 37. Ед. хр. 20. Л. 1–7 об.

В середине 1906 года я увлекся крайними индивидуалистическими учениями; я изучал Штирнера, Теккера; я узнал в это время Брюсова — он поразил меня своим утверждением в себе; это был для меня революционнейший поэт. Он вытравил из меня общеинтеллигентскую закваску. Цель существования, весь смысл моего прохождения по земле для меня был в смене ощущений, проходящих через уединенную, замкнутую в себе, самоутвержденную личность. Казалось, что не только нет Бога, но нет и людей, вообще ничего нет. Есть одно «я» — мое «я»; другие «я» — тоже не существуют [7, с. 149].

О близком ему символизме Брюсова Дурылин писал и в работе «Рихард Вагнер и Россия» (1913), и в статье «Бодлер в русском символизме» (которую доделывал летом 1926 г. в Коктебеле, слушая воспоминания о Брюсове). На этом фоне выделяется финал записи № 92 в VI тетради «В своем углу»:

На чествовании своем, по случаю 50-летия, в Академии на речи Сакулина — что он символист, и Шервинского — что он защитник и знаток латинской культуры, он <Брюсов> отвечал, что никогда не был символистом и был всегда не со старой культурой, а с молодежью. В его институте, тогда же, на речь Рачинского, что он продолжает классическую линию русской поэзии и связан с Баратынским, Брюсов отвечал, что в юности он любил и читал больше всего одного писателя — *Писарева*. <...> Но в то же время, в Ученом совете Наркомпроса, по словам Сидорова, он шел против всех, а в Доме печати — отважился прочесть доклад в защиту мистики [1, с. 321–322].

В последнем замечании чувствуется стремление если не найти оправдание, то быть объективным. «Объемность» Брюсова как культурного явления была очевидна Дурылину, не случайно он ставит его в один ряд с Толстым, юродивыми и монастырем [1, с. 263]. Однако фиксируя фактическую сторону поведения Брюсова в книге «В своем углу», Дурылин как будто не может сложить его полный образ, постоянно словно ускользающий. Несколько раз, осенью 1924 г., в августе 1926 и осенью 1930 г., он иронически рассказывает о брюсовской «смене вех»:

Десятка полтора лет на все лады из всего Брюсова (а были уже все лучшие книги — «Urbi et orbi») цитировали одно только стихотворение:

О, закрой свои бледные ноги!

А теперь сразу оказалось, что это был поэт-гражданин и «всегда так думал» [1, с. 126];

Брюсов легко сменял выцветшую ткань на дешевый шеврет российского Манчестера [1, с. 797].

Однако изначально самого Дурылина, близкого народничеству в ранней юности, привлек именно «Каменщик» с его гражданственностью и протестным пафосом. Кроме того, Дурылин знал о том, что и до революции Брюсов демонстрировал некоторую условную двойственность поведения: например, он записал рассказ С. Соловьева о том, что «все “страшные вещи”, все “ереси”, все “непристойные стихи” Брюсов говорил только в редакции “Весов”. Дома он блюл, как добрый буржуа, святость домашнего очага и преклонялся пред Жанной Матвеевной» [1, с. 299].

Важным для него был и вопрос о «большевизме» Брюсова. Дурылин записывает пересказ М. Волошина разговора с Брюсовым 1924 г.:

Макс спросил Брюсова:

— Отчего вы коммунист?

Брюсов отвечал кратко и тихо:

— Вы знаете, вероятно, что я всегда любил Рим за то, что он знал, что такое власть, и хотел и умел властвовать. После Февральской революции, кто же это умел, кроме коммунистов? После Октября я продолжал работать там же, где работал, в Книжной палате, считая, что эта работа необходима при всякой власти. Луначарский спросил меня однажды, признаю ли я Маркса. Я сказал, что так же, как Дарвина, признаю, но с оговорками.

— Вам надо вступить в партию, — сказал он и сделал так, что мне, правда, не сразу, выдали билет. Сам я не делал для этого ничего. У меня то отнимали билет, то возвращали. Теперь у меня его нет.

(Это было за 3 недели до смерти Брюсова, в Коктебеле) [1, с. 290].

Это свойство брюсовской природы Дурылин нигде не определяет (в отличие, например, от «предательства» Белого) и не дает ему прямой оценки, хотя оно, кажется, занимает его. Оценочность проглядывает лишь в том, что речь Брюсова обозначается неологизмом «лайнул» [1, с. 299], образованным от «лаять».

В случае Брюсова Дурылину, с художественным складом его природы, приходит на помощь образ, позволяющий через наглядность

характеристик выразить неуловимую суть личности. Повторяющейся деталью облика Брюсова, зафиксированной и многими мемуаристами, был наглухо застегнутый сюртук. Его отмечает и Дурылин, когда рассказывает в 1927 г. о полемике Белого с Брюсовым на одном из заседаний московского Религиозно-философского общества: «<...> встал холодный, в черном сюртуке, весь застегнутый Брюсов» [1, с. 519]. Этот черный сюртук привлекает его и на врубелевском портрете Брюсова 1906 года, который описан Дурылиным в заметке, опубликованной в оппозиционной московской газете «Понедельник» от 24 (11) июня 1918 г. Прямых указаний на какую-нибудь событийно-информационную привязку в ней нет, однако с большой долей вероятности можно предположить, что это было издание книги Брюсова «Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам. (Стихи 1912–1918 г.)» (М.: Геликон, 1918). Она появилась в июне того года. Античные аллюзии образа Брюсова, определившие композицию заметки Дурылина, поддерживались и оформлением обложки этого издания; оно, видимо, стимулировало единственное, насколько известно, развернутое публичное высказывание Дурылина о Брюсове.

Воплощение личности, по Дурылину, особенно сложной личности, человечно «нечестной» и провидящей [1, с. 864, 632], страстной и замкнутой, лучше всего дается живописи. Самый большой фрагмент брюсовской темы в книге «В своем углу» относится к лету 1926 г., когда Дурылин в Коктебеле записывает рассказы о Брюсове, гостившем у Волошина в сентябре 1924 г. В итоге главным сюжетом рассказов становятся мистические истории о несостоявшихся портретах. Упоминается разрушение того самого врубелевского портрета; передается рассказ А.П. Остроумовой-Лебедевой о ее мучительных попытках написать Брюсова и в итоге отказе от замысла; говорится о незавершенном из-за смерти художника портрете Н.Н. Сапунова; а также о посмертном брюсовском барельефе Н.А. Андреева, о котором известно, что он «не мог, сколько ни бился, вылепить позднего Брюсова 20-х гг. XX ст., которого знал, и удачно вылепил молодого Брюсова по портретам» [1, с. 319–321]. Способ характеристики личности через ее изображение прекрасно описан в работах Дурылина об иконе; как раз летом 1918 года, когда и писалась упомянутая газетная заметка, он читал лекции об иконописи на Богословских курсах; понятно, что изображение человеческих лиц его особенно занимает в этот период. О своем портрете, написанном Врубелем, Брюсов оставил воспоминания; в них описан процесс работы художника и, в частности, подробно рассказано, как появились «зеленые

штрихи в глазах портрета»; упоминание их Дурылиным позволяет предположить его знакомство с этими воспоминаниями. Ср.:

Знаменитые зеленые блики, так неожиданно посаженные Врубелем на глаза Брюсова, выцвели [1, с. 320].

Рука начала изменять ему, дрожала. Но что было хуже всего: ему начало изменять и зрение. Он стал путать краски. Желая что-то поправить в глазах портрета, он брался за карандаши не того цвета, как следовало. Таким образом, в глазах портрета оказалось несколько зеленых штрихов. Мне тоже приходилось потом слышать похвалы этим зеленым пятнам. Но я убежден, что они были сделаны только под влиянием расстроенного зрения (В. Брюсов, «Последняя работа Врубеля»).

Что касается вербального воплощения образа Брюсова, то главная его характеристика у Дурылина — «холодный». В его словоупотреблении «холодный» и «громкий» противостоит «теплому» и «тихому», как безжизненное — божественно наполненному. Эстетика Дурылина предполагала обязательной составляющей искусства мифическую, иррациональную силу, которая обозначается в русской традиции словом «вдохновение», с учетом его этимологии: «дыхание» — «дух». Отличительная черта всего облика и творчества Брюсова — упор на человеческую волю, рациональное усилие, а не на Божественное вдохновение. Формальное совершенство брюсовских стихов в разные периоды вызывало то восхищение Дурылина, то отторжение.

А замечали вы, какой изумительной стройностью построений отличны его строфы, как точен, верен и ясен слог его прозы, какой острой непререкаемостью формы отмечены все его суждения, мысли, фразы? Математика нужна была поэту Брюсову (статья 1918 г.);

«Вдохновение нужно и в геометрии, как в поэзии», — говорил Пушкин. Брюсов переменял это: «Вдохновение не нужно и в поэзии, как в геометрии».

Геометрический поэт, как есть геометрический орнамент (запись 1926 г.) [1, с. 147].

Формулировки и образы своей газетной заметки 1918 г. Дурылин в 1937 г. использует в статье «Чтецы Пушкина», применяя брюсов-

скую «геометричность» к чтению им стихов Пушкина и положительно ее оценивая:

Из всех поэтов, читавших Пушкина в 1900–1910-х годах, наиболее значительными и показательными мне представляются опыты Валерия Брюсова и Андрея Белого.

Нужно вспомнить Брюсова-математика, чтобы представить себе, как читал стихи поэт-Брюсов. Читал он их просто, четко, отрывисто, замыкая строфы. И был при этом обычно замкнут, холоден, даже сух, прислонившись у стены в своей обычной позе — в той самой, в которой написал его Врубель.

Это был строгий, точный, ясный чертеж стихотворения. Ни красок, ни музыки не было. Были одни строгие, точные геометрические линии, но они были вычерчены с такой силой, с такой остротой, с такой верностью руки, что чертеж превосходно давал возможность судить о величии и красоте здания, воздвигнутого Пушкиным².

Искусство Врубеля помогло Дурылину оценить в личности Брюсова страстность, столь свойственную ему самому в юности; возможно, благодаря врубелевскому портрету, он наделил Брюсова демонической составляющей, притягательной и устрашающей одновременно. Во всяком случае, привлекательной в произведении искусства, хоть и сомнительной в человеческом общении.

Пристальное рассмотрение оценок Брюсова Дурылиным показывает, что они, хоть и корректировались биографическими и историческими обстоятельствами, но, в целом, как правило, оставались неизменными на протяжении жизни. Сформированное в юности отношение к «мэтру» поддерживало его высокую литературную репутацию неизменной, даже при противоречивом влиянии жизненных впечатлений и собственного опыта. Общая же расположенность к символизму, позволявшему совмещать противоположности бытия в едином образе, обусловила особое отношение к Брюсову, в котором Дурылин, возможно ошибочно, видел совмещение строгости и страсти.

Обнаруженное в заметке внимание Дурылина к портрету М.А. Врубеля имело продолжение, вплоть до работы 1948 года «Врубель и Лермонтов» [2], в которой различимы следы обаяния брюсовского стихотворения «М.А. Врубелю», открывавшему в 1906 г. первый номер журнала «Золотое руно», для которого Н.П. Рябушинский и заказал уже глубоко больному художнику портрет Брюсова.

² Красная новь. 1937. № 1. С. 219.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сергей Дурылин

Силуэты. Валерий Брюсов

Брюсов, вероятно, единственный поэт, который дерзнул обратиться к музе своей с таким призывом:

Вперед, мечта, мой верный вол,
Неволей, если не охотой¹.

Но если б с таким, только таким призывом он не обратился к музе, она не ответила б ему признанием, Валерий Брюсов не был бы поэтом. В Брюсове прежде, больше и исключительнее всего поражает его воля к поэзии. То, что другим дается как дар, то, что другие находят как случайное сокровище, то дано ему за труд, за взыскательство поэтического строя, за волю к поэзии. И он прав, и муза знает это, когда ей клянется:

Я изменял и многому, и многим,
Я покидал в час битвы знамена,
Но лишь тебе, твоим веленьям строгим
Душа была верна².

Он выбрал свой жребий поэта сознательно, твердо и навсегда. Никаких других не давал он клятв, кроме как быть поэтом.

Пусть разнообразны и многосложны его умственные и жизненные интересы: пусть он — блистательный исследователь Рима и латинской культуры, пусть пушкинисты числят его едва ли не первым в своих рядах, пусть он — талантливый математик, пусть некоторые эпохи всемирной истории и культуры знакомы ему, как ученому специалисту, — все это нужно ему на жертву той, одной, которую он избрал себе в земном пути, — музе.

Он — прекрасный математик. А замечали вы, какой изумительной стройностью построений отличны его строфы, как точен,

верен и ясен слог его прозы, какой острой непререкаемостью формы отмечены все его суждения, мысли, фразы? Математика нужна была поэту Брюсову.

Трудом всей его жизни является еще не изданный перевод «Энеиды»³. Рим и латинство — его святыни. Если Вячеслав Иванов — эллин русской поэзии, то вот — ея римлянин. Валерий Брюсов! Его переводы латинских поэтов прекрасны. Если б русский поэт Валерий Брюсов перевел на латинский язык свою повесть из жизни древней Галлии «Алтарь победы»⁴, это было бы, вероятно, новым, прекрасным созданием римской литературы серебряного века. Но и это — эта любовь к Риму — нужна ему, поэту и дилетанту. Он поэт воли и страстного волевого напряжения. Как поэт, он страстен и холоден, он не знает страсти, не спаянной волей. Он поэт — легионер, даже в страдании и смерти не снимающий лат. Где ж всему этому было научиться в наш томительный век, как не в древнем Риме.

Вы слышали, как Брюсов читает стихи? Он тогда не певец, не погруженный в раздумья философ, не трагический актер, не из слова извлекающий чистый звук музыкант — он суровый воин, раненный страстью.

Я помню, как много лет назад он читал впервые в кружке поэтов своего «Демона самоубийства»⁵. Читалось много перед этим стихов и читали их прекрасные поэты. Но вот он прочел только одно стихотворение, и поняли, что после него не стоит, не нужно больше читать. Стремительной силой, волей к гибели веяло от него, от его стихов. Читал он просто, четко, отрывисто замыкая строфы, — и каждым стихом пронзал слушателя, как острием, очевидно, сам пронзаемый им изнутри. И был при этом обычно-замкнут, даже сух, прислонившись у стены в своей обычной позе, — в той самой, в которой написал его Врубелъ.

Брюсов похож на этом портрете. Не всегда похож — не тогда, когда он читает лекцию или изысканно-любезно разговаривает в Литературно-художественном кружке, но он изумительно, до жути похож, когда он предан единственному делу, которого он искал в жизни — поэзии. Это портрет не Брюсова вообще: это портрет Брюсова-поэта. Четкий, точный, крепкий язык его прозы — это не более как его черный длинный сюртук на портрете, едва намеченный Врубелем. Не надо на него смотреть. Смотрите на лицо, на руки, сжатые в какой-то сдержанной боли, на глаза, исполненные страсти и воли. Вот Брюсов. Он весь тут — тот самый, что сумел в холодную замкнутость кристалльных строф влить подлинную жуткую страсть

и волю. Не случайно ему — благоговейному читателю Пушкина — захотелось, на соблазн многим, окончить «Египетские ночи»⁶: нельзя представить себе более брюсовского сюжета, чем этот, с его трагическим борением сильных волей, с его страстью до предела и с волей, возносящейся до страсти, до красоты, до безумия. Это-то и есть Брюсов.

Когда-то он — к удовольствию критиков из «Русского богатства», — делал признание:

Я жить устал среди людей и в днях
Устал от смены дум, желаний, вкусов,
От смены истин, смены рифм в стихах.
Желал бы я не быть «Валерий Брюсов»⁷.

С тех пор прошло много дней и лет, а он по-прежнему в «смене дум и рифм», и он тот же, весь целиком, весь исполненный воли и страсти, и даже жалуется на это:

Что же мне делать, когда не пресыщен
Я этой жизнью земной!⁸

Не только русская поэзия, но и русская жизнь, столь бедная творческой волей и творящей страстью, вправе желать, чтобы по крайней мере один русский человек, один русской поэт оставался до конца «не пресыщен этой жизнью земной».

Пусть он, проходя по древней и вечно новой ниве жизни, вновь и вновь, как много лет назад, возглашает:

Вперед, мечта, мой верный вол,
Неволей, если не охотой.

Понедельник. 1918. №17, 24 (11) июня. С. 3.

¹ Из стихотворения «В ответ» (1902; вошло в сб. «Urbi et orbi»).

² Начало стихотворения «Поэт — Музе» (1911; вошло в сб. «Зеркало теней»); цитируется с разночтением в 3-й строке.

³ К переводам (и комментированию) «Энеиды» Вергилия Брюсов многожды обращался с 1890-х гг., в 1910-е публиковал фрагменты и статьи о русской «Энеиде». Частично его пер., объединенные с пер. С.М. Соловьева, опубл. отдельным изд.: Вергилий. Энеида. М.; Л.: Academia, 1933.

⁴ «Алтарь победы. Повесть IV века» печаталась главами в журнале «Русская мысль» в 1911–1912 гг.; вошла в полное собрание сочинений Брюсова (СПб.: Сирин, 1913. Т. 12–13).

⁵ Впервые: Северные цветы. Альманах пятый книгоиздательства «Скорпион». М., 1911.

⁶ Впервые: Египетские ночи. Поэма в 6 главах. (Обработка и окончание поэмы А.С. Пушкина) // Стремнины. Альманах. М., 1916. С. 3–27. Ранее Брюсов комментировал повесть Пушкина в собрании сочинений под ред. С.А. Венгерова (СПб., 1910. Т. IV. С. 444–449).

⁷ Начало стихотворения «L'ennui de vivre» (1902; вошло в сб. «Urbi et orbi»). Народнический журнал «Русское богатство», в том числе его главный критик Н. Михайловский, не раз писал о Брюсове как «упадническом» декаденте, не обходя особым вниманием и «знаковые» строки (П. Якубович про «О, закрой свои бледные ноги» — 1897. № 9. С. 7–9; отклик на публикацию комментируемого стихотворения в третьей книге альманаха «Северные цветы» — 1903, № 6, ст. II, с. 1–6) и т. д.

⁸ Начало стихотворения «Sed non satiatus...» (1912); в оригинале вторая строка: «Я — этой жизнью хмельной!».

Список литературы

1. *Дурылин С.Н.* В своем углу / сост. и примеч. В.Н. Тороповой, предисл. Г.Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с. (Библиотека мемуаров: Близкое прошлое; Вып. 21).
2. *Дурылин С.* Врубель и Лермонтов // Литературное наследство. Т. 45-46: М.Ю. Лермонтов. Кн. II. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 541–622.
3. *Мотеюнайте И.В.* Лермонтов в творческом наследии С.Н. Дурылина // Лермонтов и история. Сб. научных статей. / отв. редактор В.А. Кошелев. Великий Новгород; Тверь, 2014. С. 378–388.
4. *Мотеюнайте И.В.* Поэты «Арзамаса» в осмыслении С.Н. Дурылина: В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский как литераторы // Литературное общество «Арзамас»: история и современность: Сб. научных статей / отв. редактор С.Н. Пяткин. Арзамас; Нижний Новгород: Растр, 2015. С. 368–376.
5. *Мотеюнайте И.В.* С.Н. Дурылин о Пушкине: между «наше» и «мое» // VIII Майминские чтения. Псков, 2016. С. 106–113.
6. *Мотеюнайте И.В.* С.Н. Дурылин о «Шерамуре» Н.С. Лескова // Литературный факт. 2018. № 4. С. 305–317.
7. *Нефедьев Г.В.* «Моя душа раскрылась для всего чудесного...» Приложение: Переписка С.Н. Дурылина и Эллиса (1909–1910 гг.) // Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. М.: Модест Колеров, 2010. Кн. I: Исследования / сост., ред. А. Резниченко. С. 113–158. (Исследования по истории русской мысли. Т. 14).

Статья поступила в редакцию: 18.07.2020

Одобрена после рецензирования: 13.10.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Sergey Durylin on Valery Bryusov

© 2020. Ilona V. Moteyunaite

Pskov State University,
Pskov, Russia

Abstract: The report considers the perception of V.Ya. Bryusov by S.N. Durylin. The report is based on the book “In One’s Own Corner”, a newspaper article “Silhouettes. Valery Bryusov” and Durylin’s letters to Ellis and I.N. Rozanov. In private recordings “In One’s Own Corner” Durylin, concerning the writers, usually distinguished their “author” and “human” hypostases due to the specifics of his aesthetic program. The author shows that Bryusov’s poems first enchanted Durylin with the sharpness of their revolutionary spirit, and then attracted him with their passion and openness to the “abyss” characteristic of Symbolism as a whole. Durylin highly valued Bryusov’s Symbolist activity. However, his personality evoked conflicting feelings and did not yield to unambiguous characteristics. The most accurate expression of Bryusov’s complex personality for Durylin was his portrait by Vrubel. Mystical stories about the artists who worked on the portraits of Bryusov were recorded by Durylin and substantiate his unspoken direct attitude towards him: the connection of the demonic principle with a literary biography. The report also shows the stability of Bryusov’s literary reputation, which significantly influenced Durylin in his early youth.

Keywords: S.N. Durylin; V.Ya. Bryusov; literary reputation; Russian Symbolism; literature and painting.

Information about the author: Ilona V. Moteyunaite, DSc in Philology, Professor, Pskov State University, Lenin Square 2, 180000 Pskov, Russia. ORCID ID: 0000-0001-6117-4555. E-mail: ilona_motya@mail.ru.

For citation: Moteyunaite, I.V. “Sergey Durylin on Valery Bryusov.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 341–354. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-341-354>

Acknowledgements: The publication was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant no 18-012-00746, “Sergei Nikolaevich Durylin — a historian of literature» .

References

1. Durylin, S.N. *V svoem uglu [In One's Own Corner]*, comp. and ref. by V.N. Toropova, introd. by G.E. Pomerantseva. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2006. 879 p. (In Russ.)
2. Durylin, S. "Vrubel' i Lermontov" ["Vrubel and Lermontov"]. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 45–46: M.Iu. Lermontov, book II. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1948, pp. 541–622. (In Russ.)
3. Moteiunaite, I.V. "Lermontov v tvorcheskom nasledii S.N. Durylina" ["Lermontov in S.N. Durylin's Creative Heritage"]. *Lermontov i istoriia. Sbornik nauchnykh statei [Lermontov and History. A Collection of Scholarly Articles]*, ex. ed. V.A. Koshelev. Veliky Novgorod, Tver, 2014, pp. 378–388. (In Russ.)
4. Moteiunaite, I.V. "Poety 'Arzamas' v osmyslenii S.N. Durylina: V.A. Zhukovskii, K.N. Batiushkov, P.A. Viazemskii kak literaty" ["The Poets of 'Arzama' as Interpreted by S.N. Durylin: V.A. Zhukovsky, K.N. Batiushkov, P.A. Vyazemsky as Men of Letters"]. *Literaturnoe obshchestvo "Arzamas": istoriia i sovremennost': Sbornik nauchnykh statei [The Arzamas Literary Society: History and Modernity: A Collection of Scholarly Articles]*, ex. ed. S.N. Piatkin. Arzamas, Nizhny Novgorod, Rastr Publ., 2015, pp. 368–376. (In Russ.)
5. Moteiunaite, I.V. "S.N. Durylin o Pushkine: mezhdu 'nashe' i 'moe'." ["S.N. Durylin on Pushkin: Between 'Ours' and 'Mine'."]. *VIII Maiminskie chteniia [8th Maymin Proceedings]*. Pskov, 2016, pp. 106–113. (In Russ.)
6. Moteiunaite, I.V. "S.N. Durylin o 'Sheramure' N.S. Leskova" ["Sergey Durylin on Nikolay Leskov's 'Sheramur'."]. *Literaturnyi fakt*, no. 4, 2018, pp. 305–317. (In Russ.)
7. Nefed'ev, G.V. "'Moia duha raskrylas' dlia vsego chudesnogo...' Prilozhenie: Perepiska S.N. Durylina i Ellisa (1909–1910 gg.)" ["'My Soul Has Opened to All the Wonderful...' Appendix: Correspondence Between S.N. Durylin and Ellis (1909–1910)"]. *Sergei Durylin i ego vremia: Issledovaniia. Teksty. Bibliografiia [Sergey Durylin and His Time: Studies. Texts. Bibliography]*, book I, comp., ed. A. Reznichenko. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2010, pp. 113–158. (In Russ.)

The article was submitted: 18.07.2020

Approved after reviewing: 13.10.2020

Date of publication: 25.12.2020